

Пётр Таращенко

ПОНТОННЫЙ МОСТ

На берегах любви, утрат и обретений

18+

Пётр Таращенко

**Понтонный мост. На берегах
любви, утрат и обретений**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Таращенко П. П.

Понтонный мост. На берегах любви, утрат и обретений /
П. П. Таращенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ткань романа соткана из томительных, смущающих душу посланий. Они приходят как нежданные гости из сумеречной зоны, населённой нашими сновидениями, где всё не понарошку, порой неистово и яростно, порой изысканно и тонко. В этих пространствах нет места лакунам бесцельного существования, состоящего из ритуалов и условностей реальной жизни. Здесь варится золотой бульон бытия истинного - яркого, страстного. В этих пространствах всё случайно и всё взаимосвязано, а стрелки часов могут остановиться или пойти вспять. Здесь сбываются самые отчаянные мечты. На обложке картина художника Александра Захарченко "Букет любви" из коллекции автора книги.

Ахи, охи, аплодисменты... горячий свет рампы, букетик каких-то колючих цветов.

Уютные драмы разыграны дотла и очень экономно: за чаем с ватрушками вокруг кухонного стола, в светлом пятне, очерченном по линолеуму бахромой старомодного абажура. И смертельно раненный Полоний, смотрите-ка, обмахнул кровавые разводы с груди и пристраивает под шумок старческую коленку поближе к... Хотя почему же и не пристроить, когда все окончилось вполне благополучно, а впереди новые ангажементы, бутафорские кинжалы, накладные усы, суфлерские мелкие козни, аншлаги, скандалы, пьяные поцелуи – все впереди!

Впрочем, ничего впереди нет.

Ясно одно: мутные воды разносят нас в стороны – разносят не на шутку. Призывы о помощи, хриплые чьи-то признания тонут в шуме ревущего потока. Минутка та самая, вполне патетическая минутка: время жатвы. Ну же, ну! дольше медлить никак нельзя! давай, черт бы тебя побрал!! Долгожданная слеза выкатывается со скрипом из-под сухого века, и радости нашей нет границ: все идет как положено, не хуже, чем у других, и, что также очень приятно, слава богу, никто вроде бы не заметил, каких трудов стоила нам эта мутноватая росинка, простейший атрибут человеческой эмоции.

Браво! Браво!!

Однако нужно спешить.

– Вперед! – понукаем мы своевольный поток, и он мчит нас в неизвестность, к опасным порогам, быть может, к беспощадному водопаду.

И что за славная подобралась компания! Гипсовый пустотелый Вольтер кружит между волн и кланяется без устали туманным берегам, словно китайский болванчик; козетка с растерзанным нутром простерла золоченые ножки к низкому небу; степенно дрейфует раздутый до невозможных размеров труп коровы, на крутой коровий бок налипли рыжие от времени дагерротипы – кого? кто эти люди?

Впрочем, о самой буренке тоже мало чего известно.

Цель нашего движения эфемерна и четких контуров не имеет. Гребем мы к ней равнодушно и скорее из гимнастических соображений, чем по велению сердца. Из этих же соображений мы без сожаления отталкиваем друг друга, норовя угодить в больное или незащищенное место. Эгоизм наш трогательно недалёковиден, но зато беспределен.

Мы похожи на спесивых красно-зеленых какаду. Изю дня в день, из года в год мы тупо твердим за утренним кофе одну и ту же фразу: «Да-да, скоро, скоро придет день – я жду...» – и немедленно наши глаза подергиваются пленкой глубочайшего равнодушия.

По берегам потока раскинулся таинственный пантеон, но мы – дремлем... Нам недосуг поинтересоваться, кто это там застыл на скале с пылающим факелом в напряженной руке? Дева Мария? Прекрасная Юлия Гвиччиарди? Кого пытаются спасти эти маяки во плоти?

Мы, подобно золотоглавым аксолотлям, рождены вечно жить в преддверии Жизни.

Однако каждому назначен день – тот самый, тот самый, о котором столько раз говорилось за утренним кофе, – и тут важно не проспять его, не упустить шанс, быть может, единственный.

* * *

Первые признаки пробуждения посетили меня на дне неглубокой покойной заводи, где я пребывал в самом печальном состоянии: безвольное тело полузанесено тончайшим илом; латы, некогда сверкавшие, как зеркало, – сплошь в бурых разводах коррозии; панцирь на груди разорван мощными корнями виктории-регии, забрало поднято, а на лице – тень бесстыдного цветка гигантской кувшинки.

Короткая телефонная трель, торопливый приказ невидимой наяды «обязательно и ко времени... Северный вокзал, платформа девять...» да стремительное движение стайки рыбешек – вот и все, что осталось в сонных клеточках памяти.

А под утро, когда созвездия Млечного Пути вдруг поблекли, выцвели и перестали отражаться в спокойной поверхности моего скорбного ложа, явилось видение.

На ажурных стрекозиных крыльях примчалась быстролетная загадочная греза.

Я, еще совсем молодой человек, горячо спорю на бетонных плитах безвестного пирса со стариком, продавцом старинных открыток и миниатюрных гравюр. В клочковатой его бороде путаются слова почти незнакомого мне языка. На тощем плече – голубая обезьянка: гремучей змеей бьется колода игральных карт в ее детских руках.

О, старик! В чем ты хотел меня убедить? Как при этом называл себя? Шаддаи?! Самозванец Шаддаи! Нет, нет, Шаддаи не таков. Ветхое рубище не для него – и не скрыть лохмотьями его величия!

Может быть, ты надеялся продать мне свои миниатюры? Не спорю, они очаровательны, да вот беда, мне нечего тебе дать за них. Ведь я знаю наверное – бумажных денег ты не возьмешь. А голубой опал, мою единственную драгоценность, я уже... я более не распоряжаюсь судьбой этого камня.

И, освободив рукав куртки от цепких голубых пальчиков, я зашагал прочь, нарочно отворачиваясь от назойливого старика, который ускорил шаг, обогнал меня и, наконец, остановился перед прямоугольным щитом, к которому был пришпилен клоч бумаги с надписью вкривь и вкось:

ДВОЙНОЙ ЗАМКНУТЫЙ ЦИКЛ
КРОВООБРАЩЕНИЯ.
БЕСЕДЫ СТРОГО ВОСПРЕЩЕНЫ!

В двух шагах от щита, облитое потоком экваториального солнца, стояло безупречное и – о ужас! – безглавое тело молодого мужчины.

Тут же на специальной подставке помещалась голова атлетического мулата, – живая! Глаза головы были устремлены на чеканное блюдо у ног смуглокожего Адониса, на котором лежали несколько медных монет, гранатовые четки и акулий зуб с каверной.

Непонятная, дикая жизнь klokотала в горле несчастного красавца.

Голова причмокнула губой и сказала:

– Не густо.

Сердце мое замерло на миг и ухнуло в преисподнюю.

– Ба, какие они впечатлительные, какие нежные! – удивилась голова. – Вот уж про кого бы не подумал! Ведь – рыцарь, легендарный Тристан! Какой-никакой, а все мужичок... Ну, будет... будет, и так атмосфера, как в покойницкой!

С моря потянуло карболкой.

Тело повернулось к солнцу и подняло руки так, чтобы загорали бока.

– Зря мы все это, право, затеяли, – сказала голова и зевнула.

– Кристофер, – встрял невозможный старик, – умоляю тебя, закрой рот, опять схватишь инфлюэнцу.

Я обернулся на звук его голоса и увидел глаза, голубые как небо, – глаза молодого божества. Нет, он не врал, этот безумный старик, правда: Шаддаи имя его!

– Какая, в сущности, разница, где она, – продолжал своевольный Кристофер. – Выдумывались прелестные аллегории, остроумные, свободные от предрассудков, совершенно недогматичные. В этом и проявлялась искомая духовность... Мировой дух! бессмертная!.. неделимая...

Я лично присутствовал на проповедях Лода, и – вам – откровенно: это нечто! Это такое! Такая динамика мысли! Он им всем дал прикурить. И вот, здрасте – приехали: после сотен лет блестящих заблуждений этот, простите, балаган.

Прямо кунсткамера какая-то: голова отдельно, печень в тазу, кишки на плетне, пищеварение отличное. А на день рождения приглашены сросшиеся близнецы.

– Кристофер, умоляю, не болтай на сквозняке!

– Пошел бы ты... искупался.

– Ну что ты с ним будешь делать, – Шаддаи развел легкими руками, – одни фантазии в голове. Вбил, понимаете ли, себе в голову...

– Мама! – радостно крикнула голова. – Мама идет!

Из полосы морского прибоя, среди брызг и ключьев невесомой пены на девственный песок выходила – выступала! – ослепительная мулатка исполинского роста. Она была абсолютно нага. Черный буревестник над ее головой рассекал йодистый воздух острыми крыльями. Из-за мола донеслись упругие, настойчивые звуки силлабического пения. Никаких следов за великаншей на песке не оставалось. Движения ее были движениями молодой пумы. Она улыбнулась, и малиновая заря мгновенно обозначилась на горизонте.

Красавица подошла к нашей сомнительной троице, оглядела меня самым внимательным образом с головы до ног и пропела:

– Вот вы какой...

– Он благородный рыцарь по имени Тристан! Я ему про попа Уильяма рассказал.

– Да-да, – с готовностью подтвердил Шаддаи, – очень воспитанный молодой человек, только жадный, – ничего у меня не купил...

Мулатка рассмеялась.

– Вижу вашу растерянность, славный Тристан, и вполне ее разделяю. Признаюсь, порой у меня самой от них голова кругом идет. Крис, кстати сказать, уже третий час на солнце, так что все его разглагольствования по поводу бессмертной и неделимой стоят не больше, чем болтовня старого Уильяма. Дело же заключается вот в чем...

– Да-да, вот именно, в чем же заключается дело? – очень хотелось бы зна-а...

Обезьянка легко соскочила на бетон и на гласной «а» вложила в рот неугомонной голове крупный грецкий орех.

– Спасибо, Сюзанна, – с веселым смехом сказала красавица и повернулась ко мне:

– А вам, милый Тристан, вам хотелось бы зна-а?

– Вне всяких сомнений, – поспешил вмешаться Шаддаи. – Наш молодой друг производит впечатление человека в высшей степени равнодушного к насущным проблемам дня.

– В самом деле? Очень приятно слышать. Так вот, речь пойдет о душе. Для любого философа...

– Он рыцарь, мадонна, а не философ, – напомнил Шаддаи. – Его призвание разить мечом в гуще кровавой сечи, а краткую минуту мира сжигать в огне поэтического экстаза, где-нибудь под сенью столетнего дуба или в благоуханных покоях прелестницы.

– Вот как – лицо «мадонны» изобразило приятное удивление. – Вы, оказывается, еще и поэт?

Раздался удар гонга. Неожиданный звук был произведен орехом, который, описав в воздухе маленькую дугу, шлепнулся в блюдо с монетками и прочей ерундой.

– Еще бы он не поэт! – вскричала в крайней ажитации голова, обретая после долгих усилий дар речи. – Он тут мне такое!.. Такого!.. Ну, не ломайся, Тристанчик, ну, я тебя прошу!.. Все же свои. Как это там у тебя, – голова наморщила лоб и смежила глаза:

Ветка сирени упала на грудь,

Милая Клава, меня не забудь!..

Крепко сказано, точно в самое яблочко, именно – «ветка сирени», именно – «на грудь»! Куда там божественному Данту!

– Мы, кажется, несколько отклонились, – мягко сказала темнокожая мадонна.

– Не по легкомыслию! – воскликнула голова. – Не по легкомыслию, но ради мгновенья восторга!.. Ах, все-таки чудо как хорошо:

Ветка сирени упала на грудь...

– Красивые стихи, – задумчиво согласилась мулатка, – только грустные очень... А кто эта Клава?

– Мадонна! – укоризненно произнес Шаддаи.

– Простите, рыцарь, мое любопытство... Впрочем, я думаю, что Клава – некий собирательный образ, ничего особенно личного, просто красивая аллегория, ведь правильно? Я немного знаю поэтов, в массе своей – прекрасные люди, чисты и беспечны, как дети, но слишком уж привержены аллегориям и прочим неконкретностям. Спросила я как-то одного из них, очень образованного, серьезного и тонко чувствующего господина, что он думает по поводу души, и знаете, что он мне ответил? – Душа моя – Элизиум теней. Каково? Превосходная аллегория, но никуда не годное объяснение.

– Шикарное объяснение! – протестующе рывкнула голова. – Не хуже прочих, во всяком случае. Тристаша, тебе случаем не доводилось полистать между битвами Большой Оксфордский словарь? Впрочем, молчание, мой благородный друг, молчание... не нужно лишних слов: краткая минута мира, благоуханная горенка, – тут, само собой, не до словарей. И будь уверен, ты тысячу раз прав! Знаешь, что эти мармеладные шуты накрутили про «душу»? Только не упади в обморок: «духовная составляющая часть человека, которая рассматривается в ее моральном аспекте по отношению к Богу»!

Нет и нет! По мне уж пусть будет лучше Элизиум теней, чем этот бред собачий.

– Крис! ты не джентльмен, – решительно сказал старик. – Не воображаешь ли ты, что господину рыцарю приятен твой моветон? Если так, то, смею тебя заверить, ты в высшей степени заблуждаешься!

– Пошел бы ты... – отчетливо произнесла голова.

– Малые дети – малые заботы, большие дети – большие заботы, – как ни в чем не бывало рассуждал Шаддаи. – Впрочем, в его годы я был таким же неисправимым романтиком! Голова полна фантазий, душа – стихов и песен!

– Кстати, о душе, – прекрасная мулатка обвела всех победным взглядом, – не будет большим преувеличением сказать, что за последнее время мы достигли в этом тонком вопросе кое-каких успехов, не правда ли?

– Несомненно, мадонна, – с готовностью подтвердил Шаддаи, – значительных успехов.

– ...которыми во многом обязаны нашему милому шалунишке, нашему Крисульчику.

– О юность, юность! – взволновался старик. – Беззаботная весна жизни!.. Голова полна фантазий...

– ...душа – цветов и песен, ты как всегда прав, мой милый. Впрочем, с Кристофером нам действительно здорово повезло, – сказала мулатка, обращаясь ко мне. – Двойной цикл кровообращения, – последовал быстрый кивок в сторону объявления, – вообще штука презабавная, а для наших дел – просто подарок судьбы. Благодаря ему нам удалось исключить влияние висцеральных раздражений на интрацеребральные структуры и, пролонгируя обратную афференцию при помощи психотропных препаратов, детально изучить влияние как нейрогенных, так и гуморальных факторов на систему эндогенной регуляции.

– Скажите на милость, – не удержалась голова.

Красавица, с такой обескураживающей легкостью проворковавшая всю эту галиматью, только улыбнулась и торжественно заключила:

– Недалек тот день, когда маловразумительным аллегориям и прочим недобросовестным спекуляциям мы противопоставим аксонометрический чертеж человеческой души и точно укажем, где же она расположена: в печени, в сердце или в зрачке глаза.

– О, это будет большой день... День Длинных Ножей.

– Что за мрачные фантазии, дружок? – мадонна подхватила неутомимую голову с подставки и, не примериваясь, одним точным движением установила ее на замечательные плечи.

– Слава богу, снова все в сборе, – обрадовался Кристофер. – С возвращением. Вот уж, действительно, в гостях хорошо, а дома лучше!

– Пора прощаться, рыцарь, – вам нужно спешить: до восхода осталось полчаса, – сказала мулатка.

– Уже?! Уже и прощаться?! Не успели... – Кристофер как-то ужасно всхлипнул, протестуя мотнул головой, заграбастал мою ладонь и дернул ее так, будто хотел вырвать руку из плеча.

Неподдельные слезы навернулись у него на глазах.

– Пиши почаще, друг сердечный... не могу... нет больше сил... – с шумом выдохнул могучий плакса, обдав меня хмельным и пряным ароматом кюммеля, бутылка из-под которого валялась тут же неподалеку.

– Удачи вам, рыцарь, – великанша склонилась ко мне, и в ауре ее мимолетного поцелуя сложилось: «Северный вокзал, платформа девять...»

Легкая кисть легла на мое плечо, – Шаддаи ничего не сказал и попрощался лишь взглядом.

Обезьянка жеманно прикрылась стареньким театральным веером, поцеловала свои серые пальчики, подмигнула глазком и дунула на ладонь в мою сторону.

Они двинулись по бесконечной бетонной ленте туда, где линия горизонта нарушалась, где сквозь знойное полуденное марево проглядывали контуры далеких мавританских гор. Знакомые фигуры быстро уменьшались, теряли четкость очертаний и таяли в восходящих потоках раскаленного воздуха, превращаясь в бесплотный и зыбкий мираж. Я провожал взглядом удивительную компанию, и сердце мое сжимала пронзительная тоска, и вскипала на глазах соленая предательская влага.

«Кто они? Что это было? Отчего так пусто вдруг на душе?» – пронеслось в голове, и с ослепительной ясностью из-за декораций легкомысленной буффонады на один-единственный миг проступила долгожданная и значительная правда... донесся высокий звук сигнальной трубы.

– До встречи! – закричал я отчаянно, и эхо голубых гор ответило мне:

– До встречи!..

И почти неразличимые на таком расстоянии Аманда – так ее звали! – безошибочно угадал я, – Шаддаи и Крис остановились и помахали мне руками.

Ну, что мне делать?! Снова и снова проваливаюсь я в трясину сомнений; фразы безвольно распадаются, слова превращаются в серую труху. Какими словами описать то благословенное утро?!

Я просыпался вместе с прелестной зарей начала лета.

Высокие перистые облака над Городом наливались ее дыханием, и снизу казалось, что тысячи персиковых деревьев – целый персиковый сад – распустили в небе свой розовый цвет.

Сознание вернулось ко мне сразу, почти мгновенно, но некой обходной, неведомой до поры, тайной тропой, деликатно избежав прикосновения к... боже, сделай так, чтобы я никогда не забыл чудесной грезы! и слабый порыв ветра принес аромат каких-то древних трав, хвои... лесной гари...

Первые звуки родились в чреве каменного Гаргантюа: трамвай на повороте издал короткий звон, по тротуару чиркнула метла, где-то заплакал младенец, – и я ощутил, как тяжелая, словно ртуть, темно-красная кровь толчками пульсирует в горячих ладонях; пламенеющий сегмент выполз между клубящимися трубами теплоцентрали, разгорелся, налился яростным белым огнем, огонь прорвал тесное пространство, и золотистая река полилась на беззащитно дремлющий город.

Солнечный луч ударил в кусок кристаллического кварца на книжной полке, отразился от граней, ослепил и, распавшись на части, унес сладкое оцепенение дремы.

Новый, молодой мир заглядывал в распахнутое настезь окно.

И вдруг все переживания минувшей ночи – минувшей жизни! – прикатили ко мне разом. Да-да, на легких полупрозрачных крыльях прилетел под утро сон, и его волшебные семена прорастают во мне! Но было нечто, чрезвычайной важности нечто, – до него... Был ночной тревожный звонок и интригующий разговор, нет – монолог неизвестного лица, каковое как раз и сообщило о месте и времени одной непременно встречи («Северный вокзал...» и т. д.); была больная, мучительная ночь, и мысль билась о слабые височные кости черепа, упорная, опасная мысль; и было в этой мысли: привлекательный покой, желтоватые шарики веронала в стеклянном пузырьке, тоскливая жалость к себе и трусливые оправдания перед какой-то скорбной комиссией. А что, пожалуй, самое главное, была – была? – жизнь, сложившаяся из случайных находок (и голубой опал – одна из них!..) и хриплых павлиньих криков в саду заброшенного дома, из предсказаний в сонете и отраженного в оконном стекле вагона чьего-то счастливого лица, из запаха старых книг и звуков дорогих – о, дорогих!.. – голосов.

Из блефа надежд и близорукой глупенькой расточительности.

Я шел к Северному вокзалу, а рядом, в витрине парфюмерной лавки, ничуть не нарушая моего восхитительного одиночества, поспешал и смеялся чему-то мой зеркальный двойник.

Здания расступались и терялись в утреннем тумане; площади воспаряли к светлым небесам; бесшумно, словно карточные, рушились стены дворцов.

Пронеслись: суровая колоннада, гряды голландских тюльпанов, каменный профиль поэта, золотые луковичи церквей. Их золотые тени.

Пронеслись... пронеслись... рассыпались в прах.

Внезапно обнаружилось, что из напряженного ритма движений, голубиноного воркования и гулких ударов работающего где-то за рекой копра сами собой родились стихи. Пришла догадка: в моей душе дали всходы семена, оставленные сновиденьем! И еще одна – мое прощание с Городом несомненно, неизбежно, нешуточно.

Я ступил на платформу под звон вокзальных курантов, и в сердце у меня голубым парусом вздулась знакомая волна: по бетонным плитам (набережная!) мне навстречу шагала Аманда, задрапированная в бесформенную бежевую хламиду! Я взмахнул рукой, но ответа не получил и понял: зрение обмануло меня.

Нет, конечно же, не Аманда торопилась мне навстречу, звонко касаясь платформы каблучками маленьких туфель, – теперь я видел это ясно. Платье незнакомки развевалось на ходу, словно бежевый флаг, и под ним угадывалась по-мальчишески ломкая, стремительная фигурка. Лицо было затянато дымчатым газом и казалось смуглым.

Расстояние между нами стремительно сокращалось, а я, не отрывая взгляда от неизвестной в бежевом, уже разглядывал звериным боковым зрением серебряную змею стоящего у

платформы экспресса с табличками на каждом вагоне – «Проба № 1». Голова поезда смотрела на здание вокзала, и из окна локомотива, больше похожего на корабельный иллюминатор, выглядывало опереточное лицо машиниста: безумные брылы, старомодные очки в проволочной оправе, припудренные стариковские складки на шее, умильная улыбка придурка.

Загадочная незнакомка приблизилась ко мне вплотную, из бежевых глубин выбралась маленькая твердая ладошка, и я ощутил короткое крепкое пожатие; рот под газовой тканью приоткрылся и... в два голоса, надрываясь и перекрывая друг друга, на двух различных языках одновременно рявкнули бесчисленные громкоговорители пустынного вокзала:

– Литерный экспресс... Проба номер один... пункт назначения...

Название места прозвучало совсем неразборчиво, и тут же раздалась музыка. Торжественные и печальные звуки мессы поплыли над платформой, чудесные, слышанные когда-то звуки – «Реквием» Моцарта.

Все произошло в одно мгновение: незнакомка крепко схватила меня за рукав куртки, развернула и с нечеловеческой силой толкнула спиной вперед в смыкающиеся двери ближайшего вагона, на котором все тем же новым и цепким периферическим зрением я успел прочесть «Вагон-салон» и удивиться: какой такой «салон»?

Двери закрылись, и мы очутились в крошечной темноте.

– Где вы? – спросил я и вытянул руку, ощупывая темное немое пространство. – Как вас зовут?

– Лея, – раздалось совсем рядом. – Мое имя Лея.

– А мое... – но маленький пальчик вдруг лег на мои губы.

– Я знаю, знаю. Это я вам ночью звонила.

– Вы?!

– Молчите, нас могут услышать... – испуганно прошептала неожиданная попутчица, и тамбур, где мы стояли, осветился – пневматические двери, отделявшие наше убежище от внутренних помещений «Вагона-салона», разошлись в стороны, и перед нами открылся... салон! – ничем иным эта роскошно убранная маленькая зала быть, конечно же, не могла.

Толстый ковер гасил все звуки и придавал любому нашему движению новые непривычные качества – медлительную плавную вкрадчивость, законченность танцевального па.

Стены, забранные в палисандр и обитые тонким китайским шелком, были сплошь увешаны картинами, и среди них я с величайшим волнением увидел «Вид на Толедо» Эль Греко, в юности приводивший меня в трепет своей мрачной красотой, «Даму с горностаем», чудный профиль Симонетты Веспуччи, знаменитую Венеру Перуцци и женский портрет – но чей? кому принадлежало это прекрасное лицо? – исполненный в отчетливой манере Кранаха Старшего.

Пылали золотые жирандоли; согретая их светом, патина старой бронзы оживала, словно некий бессмертный мох после тысячелетнего сна, и трещины на ней складывались в изысканный узор, полный внутреннего движения и смысла; горели золотой чешуей лупоглазые драконы на фарфоре древних ваз, и резная пагода из слоновой кости казалась невесомой... Пахло сандаловым деревом.

Сомнений не было: это был салон, но – странный салон! И делала его странным фреска, написанная на потолке грубыми, однако уверенными и даже резкими мазками. Краски были свежи и казались почти влажными. Фреска изображала берег спокойной реки, поросший невысоким кустарником, охотничий домик, добротнo сложенный из серого песчаника, и у его крыльца – крупного чернокожего старика, раскрывшего объятья неизвестному гостю. Белые зубы обнажены в широкой улыбке, но взгляд, устремленный к реке, серьезен и сосредоточен. Взгляд нацелен на серебристую полосу, пересекающую серую поверхность от берега до берега.

Заметный диссонанс в респектабельный стиль Салона вносила также стойка крошечного бара по правую руку от нас: тройка пуфиков-эскимо, телевизор, сверкающий хромом шейкер в окружении разнообразных бутылок, бутылочек, фляг и графинов.

Однако все эти подозрительные несоответствия тотчас отступили на задний план, потому что в дальнем углу Салона ударило живое горячее пламя и осветило камин с низенькой чугунной решеткой и худую фигуру некого господина, облаченного в тесный концертный фрак и с каминными щипцами в бледной маленькой руке.

Он обернулся, и на его узком благообразном лице венецианского дожа расцвела приветливая улыбка.

– А, пассажиры... Чудесная пара, очень милые дети, – произнес господин во фраке необычайно чистым и звучным голосом. – И к тому же, если мне не изменяет знание жизни, прекрасно воспитанные и послушные дети! А как всем хорошо известно, иметь дело с воспитанными людьми большое удовольствие... а? что? какой? – простите, слышалось... Да, удовольствие... потому что стоит такого человека попросить о какой-нибудь мелочи, и он без малейшего промедления или, не дай бог, скандала сделает все, возможное в его силах... Ну, например, предъявит документ, дающий ему право проезда, – да хоть билет завалящийся, на худой-то конец!

В темных глазах незнакомца гуляли языки каминного пламени, я подумал – ненормальный! – и, увлекая за собой Лею, сделал шаг назад.

– Ну как? – с веселым смехом спросил венецианец. – Пугнул я вас, зайчишки? Это еще так, вполсилы, шутя-играючи, ха-ха. К тому же железнодорожный контролер совсем не мое амплуа... «Он нас разыграл и совсем неплохо», – говорил взгляд Леи.

– Мне больше по душе другое: весь мир – театр! актеры – люди, мужчины, женщины!.. – и дальше в таком же духе. Впрочем, оставим мои поэтические симпатии в стороне. К огню, мои юные друзья, поближе к огню! Поговорим по сердцам, поспорим, обсудим создавшееся положение, наметим перспективы, – оживленно трещал хозяин Салона. – И не будем пренебрегать традициями, которые требуют обменяться если не вверительными грамотами, то хотя бы именами: Трамонтано – в вашем полнейшем распоряжении.

– Тристан, – представился я и почувствовал, как краска стыда выступила на моем лице.

– Изольда, – тихо произнесла Лея, опустив глаза.

«Ай, молодчина!..»

– О да, – вы, дитя мое, натурально, Изольда, – задумчиво произнес Трамонтано, – и в этом трудно усомниться. Впрочем:

...как любя, любовь сокрыть?

Ее не спрятать, не зарыть,

Не положить ее под спуд,

Друг к другу любящие льнут...

и дальше в таком же духе.

В камине стреляли поленья, рассыпались вокруг снопы желтых искр, и на короткий миг они высветили затейливый рисунок водяных знаков, картину давно забытой жизни, дорогой моему сердцу хрупкий палеолит.

Под новогодней елкой в свете фальшивых электрических свечей сидел стриженный под горшок малыш и зачарованно внимал небылицам развязного старикашки с неаккуратным носом, торчащим из-под красного колпака. Ватная борода старого болтуна полна подсолнечной шелухи и желта от времени.

Роль обманщика много лет подряд и с большой охотой играл наш сосед, порядком испившийся настройщик, полусумасшедший человек по прозвищу Дубль-бемоль.

Но – увы и ах! – каким беспомощным показалось мне сейчас, по прошествии многих лет, простодушное искусство Дубль-бемоля, вызванного неведомой магией из глубин моей памяти;

как далеко было его скромному дару до талантов Трамонтано, венецианского дожа во фраке с фалдами!

Трещало горящее дерево, пламя металось за каминной решеткой, и по ковру скользила ее причудливая тень, завивались длиннейшие артистические фалды, разгорался, летел увлекательный тревожный разговор.

...Нет, нет и нет, мой драгоценный гость, память вам ни в коей мере не изменяет, будьте благонадежны: «Вид на Толедо» должен находиться и, верьте моему слову, находится там, где ему положено быть: на западной стене Музея изящных искусств Метрополитен!.. Но смею утверждать – этот холст также подлинный, писала картину несомненная рука маэстро Тоео-токопули. И никакого чуда я тут не вижу: у маэстро хватило терпения написать два похожих городских пейзажа, вот и всего-то.

– ...Но как же иначе, как же иначе, милейший Тристан! Вы же сами, бьюсь об заклад с кем угодно, не пожалели бы последнего луидора на свежие фиалки для вашей Изольды, – не тот вы человек! Хотя лично я уверен, что несколько роскошных маков из крашеной бумаги всегда найдутся на дне платяного шкафа холостого мужчины.

Тонкая улыбка осветила лицо Трамонтано.

– И даже гравюры, заманчивые старинные гравюры, которыми порой торгуют на набережных болтливые старики, – я похолодел, – не смогли бы придать Салону необходимый блеск и респектабельность, которых требует масштаб всего предприятия.

...Завидовать?! Решительно вам говорю: не завидую! Да и сами подумайте, милый мой человек, стоит ли завидовать Великому Художнику, как вы изволили выразиться, этому изгою, одинокому и оборванному – как правило, как правило оборванному, любезный Тристан! – бездомному бродяге никем не понятому и во всем несчастливому?! Несчастливому даже в любви, ибо великие способны любить лишь великие.

...Однако согласитесь с тем, что внешнее сходство с жизнью в искусстве момент скорее формальный, самостоятельной ценностью не располагающий и, вообще, извините за плеоназм, довольно искусственный. Вы удивлены, мой драгоценный гость? Но тут уж ничего не поделаешь: такова природа деликатных вещей, о которых мы с вами рассуждаем, и с ней приходится считаться.

– ...Ах, и даже не пытайтесь; доказать в искусстве ничего нельзя: искусство – это аксиома! Попытайтесь быть безрассудным, доверьтесь чувству или, если это для вас непривычно, положитесь на слово кабальеро, – Трамонтано коротко поклонился, – тем более что Толедо город моей прекрасной юности, а, как вы знаете, как вам, может быть, известно, в юности прогулки по городу дело обыкновенное. Но ничего подобного изображенному на холсте мне ни разу увидеть не довелось! Честное слово кабальеро! И тем не менее, берусь утверждать: суть города схвачена кистью живописца с поразительной прозорливостью. Каждый найдет в картине свое. Влюбленные души увидят чудную ротонду над шумным потоком, укрытую густыми зарослями азалий. Чуткое ухо искателя приключений уловит шум осторожных шагов в сумеречной галерее и далекий звон клинков в лабиринте кривых улочек. Почтенной матери семейства пригрезится детская фигурка, переступающая озябшими ножками по каменной плите балкона. И дряхлый старик уверенно скажет себе, глядя на холст: «Мне не страшно здесь умереть. Здесь я буду спокоен».

– ...О, портреты статья особая!.. Но этот портрет – однако ж, как он вам нравится – никуда не годный портрет! И будьте благонадежны: доведись вам, простодушный Тристан, увидеть это милое личико в тенетах сна, и прелесть его безукоризненного овала покажется вам весьма сомнительной.

О, я прозреваю тебя насквозь, завистливая, лживая кокетка!

– Успокойтесь, сир, – попросила Лея, – она не стоит одной минуты вашего раздражения.

– Вы в самом деле так считаете, добрая девушка?

– Твердо убеждена. Но все-таки очень любопытно, кто автор портрета?

– Не помню... – рассеянно сказал Трамонтано и вдруг рассмеялся трескучим горестным смехом. – Во всяком случае, не я. Глупая затея – малевать на холсте чьи-то лица. Но уж если это делать, если бы, к примеру, я вознамерился написать стоящий портрет, то за кисть взялся бы не раньше полуночи, а то и под утро: под утро сон, говорят, особенно крепок.

– Эта дама... она была вашей знакомой?

– Почему же – была? – усмехнулся венецианец. – И с чего это вы, рыцарь, взяли, что она дама?

Впрочем, не мне судить, но вот история.

Представьте себе на минуту не столь далекое прошлое, веселую Лигурийскую Геную, молодого человека, вполне здорового и совсем не уродя, с определенными дарованиями к ювелирному делу, удачливого в наследовании имущества, для своего времени прилично образованного, но при всем том – доверчивого, как двухмесячный терьер, и, вдобавок, мечтателя. Таков мой герой, приходящийся мне, не буду скрывать, дальним родственником по материнской линии. По смерти своего отца молодой человек волею судеб и обстоятельств, как принято говорить, то есть самым естественным образом стал обладателем замечательной коллекции камней и хозяином ювелирной лавки по соседству с церковью Санта Мария ди Карильяно, небольшого, но хорошо поставленного предприятия, где по дороге с воскресной службы любой свободный гражданин славного города без затруднений мог приобрести изящную нефритовую инталию на бархатной ленточке или головку мадонны из сирийского золота.

Возьмем на заметку одно важное обстоятельство. Незадолго до кончины благородный и работающий старик дополнил коллекцию знаменитым «Дискрете», что означает – «скромный». Своим названием этот крупный бриллиант необычайно чистой воды обязан своеобразному остроумию герцога Альбы, собственностью которого некоторое время являлся.

Однако поспешим далее.

Далее следует некая юная особа – сероглазка с расчесанными на прямой пробор волосами цвета сигарного пепла: маленькие уши, бровки-ниточки, неизменная лютня в чутких руках. Ангел и умница, словом, та самая, которую наш герой выудил из фонтанной чаши в день святой Терезы, в день, когда ей исполнилось двенадцать лет.

Мокрое платье облепило девочку-тростинку так, что можно было пересчитать каждое ребрышко: капли воды блистали на тонких ключицах, зубы выбивали отчаянную дробь, но серые глаза смотрели спокойно. «Дайте же мне руку, наконец?» – сказала она, и наш герой почувствовал легкое головокружение, как если бы за низенькими перильцами далеко внизу увидел вдруг острые уступы прибрежных скал, волну, разорванную ими в клочья, столб беле-сой водяной пыли, куски древесной коры и прочий плавучий мусор.

«Куда там Дубль-бемолю!» – подумал я и явственно увидел смотровую площадку над морем, изъеденные соленым ветром столбики полуразрушенной балюстрады, в прорехе между ними – грядушку железной кровати с многочисленными шарами и вензелем, призванную обес-печить безопасность наблюдателя, и за ней, далеко внизу, – движение тяжелых валов, вздыб-ленные воды, белые брызги, хлопья невесомой пены – бессильную ярость прибоя.

«Тили-тили-тесто, жених и невеста!» – кричал им вслед «братик Чезаре», по чьей вине она как раз и оказалась в фонтане.

Юноша отвел бамбину домой, и с тех пор они не разлучались.

– Паолино, – со смехом говаривал старый ювелир сыну, – ты самый везучий рыбак на всем лигурийском побережье! поверь мне, малыш! Поймать такую рыбку, такую... сардинку и где?! в городском фонтане! Ты рожден под хорошей звездой!..

Но старик умер, «сардинка» же повзрослела, утратила незаметно ломкую прелесть подростка и в одночасье расцвела в очаровательную девушку, которая уже не краснела, когда слышала вслед: невеста нашего... ээ... нашего... как его...

– Паолино, – подсказала Лея.

– Спасибо, добрая девушка. Конечно, Паолино. Так вот, однажды под вечер, – тут Трамонтано сделал страшные глаза, – резко звякнул колоколец двери, и в лавку, где молодой человек разбирал полученные для продажи головки святых угодников и мадонн, вошла пара: порядком расплывшаяся дуэнья в черной мантилье и молодая дама... девушка... девица с шальными глазами на изумительно чистом фарфоровом личике.

Чудная кожа, совершенно неземная... без единого пятнышка пигментации.

Трамонтано смежил глаза, словно преследуя ускользающий образ, горестно вздохнул и продолжал, но уже чужим, незнакомым голосом, начисто лишенным былой чистоты и звучности, глуховатым тенорком немолодого, не совсем здорового человека, утомленного неустroенностью и хлопотами долгого пути.

Лицо благородного господина посерело и осунулось, породистый нос заострился, жесткая складка легла у рта, речь потеряла непринужденную легкость, но послышался в ней отчетливый и точный ритм печатного слова.

Было похоже, что пожилой профессор читает по памяти фрагменты средневековой легенды, – язык затейлив, сюжет непрост, но пожилой господин не сдается, хотя и прикрыл от напряжения глаза.

– ...Черная дуэнья заговорила, и все стало ясно... и все перепуталось.

приехали погостить... морской воздух...
недели на две...
не меньше месяца... последняя надежда...
Лигурия!.. Благословенная Лигурия!
террасные парки... очарованы... восторг...
не раньше, чем через полгода.

Она говорила без умолку – огромная говорящая птица: черная сова.

Двигались полупрозрачные пальчики, разбирая рубины и сердолики, но не на них смотрела замкнувшаяся в своем упорном молчании прекрасноликая воспитанница: взгляд ее крапчатых широко открытых глаз – немигающий и престранный взор – был неотрывно устремлен на молодого хозяина, даже тогда, когда из груды украшений она взяла наобум алмазную лилию, горящую голубым холодным огнем – ненужную свою покупку.

– Vale! – плоским, лишенным обертонов голосом попрощалась девушка и, прихрамывая на правую ногу, первой вышла из лавки.

Черная птица встрепенулась, заклекотала неразборчиво и шумно, взмахнула тяжелыми крыльями и вылетела в дверь.

– Vale... – повторил Паоло, оставшись один, и неизвестно откуда взявшееся эхо пропело комариным, лишенным обертонов голоском, высоко-высоко, в самом зените: – «Vale...»

Комариная песенка оказалась необычайно живучей. Звон под потолком стал исчезающе тонким лишь под вечер следующего дня, но тут же звякнул колоколец двери.

– От вашей лилии все в восторге! – немедленно затараторила сова. – Сколько вкуса, сколько тонкого смысла, изыска!.. Сколько... Такой молодой синьор и уже большой художник, – настоящий мастер!..

...чудная, несравненная, благословенная!..

лестное знакомство...

...Пусть молодой синьор простит восторги путешественниц, – ему, рожденному в Лигурии, вдыхающему ароматы террасных садов с самого детства, может показаться смешным наше неподдельное...

впрочем, впрочем, впрочем...

случайнейшим образом...

все только и говорят...

редкостные камни....

похвальная скромность маэстро...

достопримечательность города не менее, чем...

высокий гражданский долг...

Шальные глаза безмолвной фарфоровой дивы – глаза наркоманки – приняли на мгновение осмысленное выражение, – зрачки сузились, длинные ресницы прикрыли синеватый белок, маскируя зоркий, пронзительный взгляд, и свое молчание она наконец нарушила.

– В Висапуре живет человек, который лечит больные камни прикосновением пальцев.

– Больные камни? – переспросил Паолино.

Колета бриллианта в верхнем лепестке вашей лилии мутна, а значит, и камень скоро умрет...

Через месяц он даст трещину по всему рундисту.

«Это невозможно! этого нельзя знать заранее! непредсказуемо!» – пронеслось в голове нашего смятенного героя.

– Очень просто определить... однако болезнь запущена и теперь вряд ли излечима.

Равнодушный тон придал фразе неожиданную убедительность, и Паоло тотчас понял: ошибки быть не может, диагноз верен, и трещина пройдет по рундисту. Однако совсем не трещина волновала его в ту минуту. Трещина мелочь, событие третьестепенное и совсем незначительное, главное же: кто она – эта загадочная прорицательница? как? каким образом дано ей знать?.. по каким признакам?

В задней комнатке под низким потолком и без окон Паоло открывал выставленные темным бархатом шкатулки, и ахала восторженно дуэнья, но всегда бестрепетен был плоский, лишенный обертонов голос. Виноградные же пальчики шевелились, не мешая разговору и вполне машинально, и новая партия камней оказалась вскоре их бессознательным шевелением рассортированной на три кучки: камни из Индии, бразильские алмазы и, чистейшей воды, – азиатские.

Лишь раз дрогнул бесстрастный голос: «Какая жалость!» – тихо воскликнула красавица, поднесла к пламени свечи овальный бриллиант размером с крупного майского жука, и в центре таблички высветилась мутноватая свиль.

– Алмазная проказа, – она отложила камень в сторону, – заразен. Нужно уничтожить: растолочь в ступе, пыль сжечь.

Растолочь... сжечь...

Расторопная Эдна накрыла ужин, а плут Лукино принес из подвала лучшее аликанте.

– Необычными обстоятельствами своего рождения и странным окружением первых лет жизни я обязана висапурскому колдуну, знаменитому тем, что прикосновениями пальцев и собственным дыханием он умел удалять из камней пузырьки воздуха, залечивать трещины, выводить замутнения, – начала девушка. – Родилась же я в Голконде...

Удивительные истории услышал в тот вечер наш славный герой, восхищенный Паолино, молодой маэстро... простодушный ювелирный мастер.

Часы на ратушной башне пробили одиннадцать гулких ударов. С последним звоном сказчица поднялась из-за стола, и подобие холодной улыбки появилось на ее лице.

– И Шахразадду застало утро, и она прекратила дозволенные речи, – произнесла красавица и направилась к зеркалу.

– И на этот раз в глаза Паолино бросилась некая скованность ее движений, тщательно скрываемая, но несомненная хромота.

– Бедная девочка... Сколько страданий довелось ей пережить, но самые тяжелые, горчайшие испытания ждут ее впереди... – прошептала дуэнья.

Чьи-то ледяные пальцы коснулись сердца Паолино, потрогали осторожно и легонько его сжали.

– Как случилось несчастье? – тихо спросил он и ощутил внезапную острую тоску.

...Проклятый день!.. проклятый город!.. проклятый фонтан! Она поскользнулась... она в него упала... ни слезинки, а губку прокусила насквозь!.. Стояла в воде на одной ножке... ни слезинки... насквозь...

«Какая чудовищная несправедливость! – подумал Паолино. – Какая необъяснимая жестокость судьбы!..»

Началось воспаление, и остановить его врачи оказались бессильны. Искалечена была детская ножка, загублена непоправимо, и пришлось ее чуть не до колена – отнять. Протез же, пусть даже самый лучший, всего лишь мертвая нога из дерева, кожи и бронзовых винтов и никогда живое не заменит! Увечье заметно сейчас, оно будет заметно всегда!..

– ...несчастливая моя девочка, моя красавица!..

Трамонтано артистично потрянул волосами и взял дыхание.

О да! Чувствительная душа нашего героя, была полна скорби, и на прощальное «Vale» он ответил лишь низким, почтительным поклоном.

Лукино зажег фонарь, засвистал, и женщины поспешили за своим легкомысленным проводником. Паоло же вернулся к опустевшему столу, рассеянно налил бокал вина, но не сделал и глотка: его внимание привлек неизвестно откуда взявшийся белый лоскут... – платок! тончайшего шелка платок! Оброненный прекрасной хромоножкой у зеркала, где она поправляла свою прическу!..

«Какая чудовищная несправедливость!..»

Паоло расправил кусочек невесомой материи, и тогда обнаружилась монограмма – буквы незнакомые, массивные, сросшиеся между собой нерасторжимо. Он поднес платок к свету и почувствовал внезапное головокружение: волна сладковатого дурмана накатила неизвестно откуда, и, отравленный ею, славный наш герой опустил – упал! – на кушетку. Блаженная улыбка тронула его губы, и они прошептали... чье-то имя? Чье имя?

Тяжелые веки приподнялись лениво, блеснул перламутровый белок чудных глаз, и неповторимые эти глаза заглянули в лицо спящего, словно в ящик чужого письменного стола: с равнодушным любопытством заглянули.

Нет-нет, не простодушный и целомудренный Паолино очнулся утром на низкой резной кушетке – совсем нет! Некто другой, с горячей и темной кровью в жилах; с сердцем, не знающим колебаний и жалости.

Перво-наперво этот новый некто посетил свою невесту и застал ее за утренними упражнениями. Точными, неутомимыми пальцами она вновь и вновь повторяла виртуозный этюд. Распахнулась дверь, и странно изменившийся суженый без объяснений вернул онемевшей лютнистке обручальное кольцо. Расправившись таким образом с надеждами сероглазки, он поспешил по адресу, который узнал у хитроумного и предусмотрительного Лукино. Единственное

желание сжигало его душу: видеть фарфоровый лик хромоножки, слышать ее плоский, лишенный обертонов голос, прижаться жадными губами к матовой коже запястья.

В двух словах, сохраняя бесстрастное выражение лица, молодой человек объяснил пораженной дуэнье цель своего визита и был допущен к подопечной, с которой имел продолжительную беседу с глазу на глаз.

А вечером, когда воздух сгустился, стал лиловым и запах жасмина полился с уступчатых террас, затопляя прибрежный город, превращая его в огромный благоухан-

ный сад, Паоло ввел прекрасную хромоножку в свой дом уже женой перед людьми и богом.

На следующий день ювелирная лавка по соседству с церковью Санта Мария ди Карильяно оставалась закрытой. Была она закрыта и в воскресенье...

Лишь через месяц открылись двери дома, и молодой муж вышел в город. Шумели фонтаны; голуби долбили черными клювами булыжник мостовой; весело ругались торговки; из-за легкой шторы летела кантилена. Древний флаг трепетал на ветру.

Однако за беззаботным фасадом воскресного дня внимательный наблюдатель – не Паоло! только не угоревший от любви молоденький терьерчик по кличке Паоло! – смог бы различить, почувствовать, глубинные течения жизни. Несомненные эти течения были темны, как темны и маловразумительны были речи, звучавшие в прохладном сумраке маленькой таверны, куда Паоло забегал утолить жажду стаканчиком красного вина.

– Цикута, точно знаю, это была цикута, – с сильным греческим акцентом сказал вертлявый человечек, сидевший напротив, и громко икнул.

– Сам ты цикута, – произнес хриплый голос в углу, и несколько человек рассмеялись.

– Пьянь, – презрительно скривился грек и сплюнул на пол. – Голытьба, неучи.

– Полегче на поворотах, сиковантишка ты несчастный!..

Грек скрипнул зубами, но промолчал.

Вошла румяная хозяйка, довольно молодая женщина с крутыми боками, подхваченными куском коричневой саржи, поставила на стол новый кувшин вина и сказала, обращаясь к греку:

– Ты этих ублюдков не бойся.

– Я – боюсь?! – грек остро блеснул черными глазами. – Я господу бога и сына его Иисуса Христа не боюсь, а уж этих-то... козликов рогатых, и подавно.

Крутобокая хозяйка рассмеялась, а грек прикрыл рот ладошкой и снова икнул.

– Люблю смелых людей, – подсаживаясь к столу, сказал худой парень с копной курчавых смоляных волос. – У нас на Корсике, если мужчина не трус и вдобавок...

Грек опрокинул стакан и перебил корсиканца:

– Ни бога, ни черта, ни козликов рогатых – никого не боюсь. Такой человек,

– Греки – славный народ. Гомер – великий поэт. Триста спартанцев – отчаянные ребята, – согласился корсиканец и негромко спросил: – Так, значит, от цикуты?

– Точно знаю, – кивнул маленький человечек и налил корсиканцу вина.

– Разве такие вещи можно знать точно?

– Можно, – сказал грек и снова икнул. – По при знакам.

– Сам ты – признак, – донеслось из угла. – Трепло ты несчастное!..

– Грек вскочил, как чертик на пружине, хлебнул из кувшина, качнулся и, перемежая слова икотой, заговорил гекзаметрами.

У смертоносной ци-ик-куты природная холода сила

И потому, если выпьешь, – убьет как холодные яды,

Пятнами кожа покрыта у тех, кто погиб от ци-ик-куты;

Смерть от нее подтвердить мы по признакам этим сумеем,

Карой публичной она по обыканию служила в Афинах;

С жизнью вели-ик-икий Сократ распростился, принявши цикуту...

– У тебя самого пятна на теле. Никаких у нее пятен не было, и никакая это была не цикута, а умерла она, ясное дело, от сглаза, прохрипели из угла, но уже без прежней злобы и даже примирительно.

Грек самодовольно хмыкнул и спросил:

– Ты, что ли, сглазил, козлик?

Раздался дружный гогот, и разговор стал общим. Страсти неожиданно разгорелись. Один лишь Паолино потягивал кислое вино, улыбался рассеянно и ничего не понимал.

Сумбурный и пьяненький спор принес плоды. Выяснилось, например, что от змеиных укусов хороши цистрон и мальва.

– И для регул, – смеялась соблазнительная хозяйка, пылая румянцем, – с медовой водой – и для регул!

– Сир! – негромко воскликнула Лея.

– Чем могу быть полезным? – невинно осведомился Трамонтано.

– Сир! – с вызовом повторила девушка. – Мне это странно. Разве в присутствии дамы...

– Ах, вот вы о чем!.. – легко рассмеялся он. – Ничем не могу помочь, – исторический факт, слово кабальеро, она действительно сказала: «с медовой водой – и для регул». Слово в слово.

– Позвольте, позвольте, существуют же для чего-то правила хорошего тона, пиетет, наконец!..

– Я не задумываясь приношу их в жертву научной достоверности. История и без того кишит слюнявыми эвфемизмами, – отрезал Трамонтано.

Лея зарделась. Чувствовалось, что решительная формулировка дерзкого дога произвела на нее сильное впечатление.

«Хорошо закрутил...» – с легкой завистью подумал я и с достоинством произнес:

– Сир! Настоящий случай публично засвидетельствовать то сильное и глубокое уважение, которое я питаю к Вашему уму и к Вам лично, я не мог бы пропустить, не сделав над собой насилия.

Глаза Леи округлились, и она сделалась похожей на симпатичного лемура.

– Эка вы хватили, милейший Тристан, – добродушно сказал Трамонтано, – впрочем, приятно это слышать. Тем более от вас. Вы такой... ээ... немногословный.

Итак, на чем мы с вами остановились?

– На медовой воде, – с готовностью подсказала Лея.

– Именно! Именно! – подхватил Трамонтано и продолжал:

– Заговорили о сглазе, о тонкостях этого коварного дела, о том, как бороться с напастью, и тут мнения разделились, – определились две основные партии: в углу предлагали плевать через левое плечо, у стены – кропиться петушиной кровью. Неугомонный грек, порядочно захмелевший и взвинченный, представлял партиям единоличную, но воинственную оппозицию.

– Лапку от черной куролик! – кричал он, брызгая слюной и страшно коверкая красивые итальянские слова.

– Сам ты «куролик»! – несло из угла.

– Маленький черный лапка! Совсем сушеный!..

– Сам ты сушеный!

– Эх вы, охламоны, – с горечью сказала красная как мак хозяйка, – вы бы умного человека-то послушали, он ведь вам, дуракам, дело говорит: лапка – штука незаменимая, самое оно...

– Для регул, – хрюкнули из угла, и последовал взрыв самого непотребного веселья.

– Люблю греков, молодцы ребята, – решительно сказал курчавый, обращаясь к терьерчику. – Племя титанов! Как полагаете?

Терьерчик вздрогнул и предупредительно завилял хвостом.

– Я говорю: молодцы греки!..

– Ах, вот вы о чем... – благодушно улыбнулся Паолино. – Конечно помню:

Ехал Грека через реку, Видит Грека в реке рак...

– Что еще за Грека? Что ты там лепечешь? – встрял несносный задира. – Чего еще он там увидел?

– Рака... – машинально ответил Паоло.

– А ну, пойдем выйдем, – грек подхватил нашего незадачливого героя под руку и с неожиданной в таком небольшом теле силой потащил из-за стола. – Пойдем-пойдем... я тебе сейчас таких раков покажу... Пальчики оближешь.

В каком-то темном тупике он прислонил Паолино к прокопченной стене и блеснул мелкими зубами:

– Приличного человека сразу видно... Не могу, однако ж, понять, какого черта вас сюда занесло, приятель? Хотя, может быть, не просто так занесло? Может, есть на это причина? А? Как говорится, нужда заставит? А? Или я не прав?

«А ведь он не грек, этот странный тип, и он не так пьян, как притворялся, – подумал Паолино. – Интересно, зачем ему понадобилась вся эта комедия...»

– Эй, приятель, – или я не прав?

– Простите, не понял?

– Ну-ну-ну, чего ж тут непонятного, – ухмыльнулся лже-грек и зашептал горячо и напористо прямо в лицо Паолино: – Я же вижу, я все вижу: такой благородный сеньор, такой рассеянный, такой углубленный в свои переживания – а? или я не прав? – сидит в дрянной забегаловке, потягивает дрянное винцо... Да быть такого не может, чтобы он просто так сидел! Чего-нибудь ему да нужно! И на его счастье находится человек, у которого все, нужное молодому сеньору, есть! Полезнейшие штучки... – фамильярно хихикнул он и стал извлекать из-под полы какие-то корешки, сухие листья, пахучие мешочки. – Тут у меня полный набор, на все вкусы: сатурейя, мальва, эрука, – ну это для старичков, а вот гашиш, превосходный гашиш, замечательно чистый конопляный гашиш. Но, может быть, задумчивость молодого сеньора объясняется как-то иначе? меланхолическим несварением? неразделенной любовью?

Паолино вздохнул, не зная, как быть с напористым торговцем, и тот понял этот вздох по-своему.

– Драгоценный сеньор!.. – радостно зашипел он. – Тут я вам помогу! Мой священный долг помочь такому благовоспитанному молодому человеку выйти из затруднительного положения. Ах, как я угадал! Как учуял!

Он распахнул снадобья по бесчисленным карманам, озабоченно пошарил под мышкой и, наконец, ткнул пучком колкой травы под нос Паолино.

– ...Божье дерево... как раз то, что вам нужно. Тут пара ассов... Как говорится:

Лишь положи под подушку, желание любви возбуждает;

Если же выпить, – все то, что мешает любви, устраняет...

Сладковатый аромат травы вызвал у нашего героя смутное беспокойство и даже тревогу.

– Нет-нет, вы ошиблись, вы приняли меня за другого... я здесь случайно, – бормотал Паолино, пытаясь освободиться от цепкой руки, – и никакого гашиша мне не нужно.

– Как это – гашиша не нужно? – оторопел лже-грек.

– Мне пора. Меня ждут. Прощайте, – решительно сказал тот и поспешил прочь.

– Ээ... – разочарованно протянул лже-грек, – да вы, как я вижу, совсем еще... Эй, послушайте! Подождите-ка!

Он нагнал Паолино и спросил, но уже без прежнего напора в голосе и даже без особой надежды:

– Может быть, вам нужно кого-нибудь отравить? Я бы с удовольствием помог такому благовоспитанному...

– Vale, – глядя в сторону, сказал Паолино и вышел из таверны.

– Антракт, – усталая профессорская маска спала с лица Трамонтано, и под ней обнаружились плутовские яркие глаза. Трамонтано-плут крутнулся на каблуке, шагнул к стойке и тут же шагнул назад, но уже с подносыком. – Лиха беда начало, – весело затрещал он.

Ко мне, друзья, сегодня я пирую!

Налей нам, Коридон, кипящую струю.

Я буду чествовать красавицу мою... –

и дальше в таком же духе.

– Что это? – спросила Лея, принимая от галантного идадьго бокал, до краев полный черной маслянистой жидкости. – Очень похоже на нефть.

– В самом деле? – оживился тот. – Я, собственно, даже не предполагал... Мне почему-то казалось, что нефть такая... такого, знаете ли... ну, в общем, несколько другого оттенка, что ли. Честно признаться, мне этой самой нефти в натуре видеть не доводилось... – Он поболтал содержимое бокала, обследовал желтые потеки на его стенках, сунул в бокал кончик породистого носа и сказал: – Все-таки, я полагаю, это не нефть. Кроме того, на бутылке написано: Мальтийский бальзам...

Минутное замешательство Трамонтано давало мне шанс отличиться: я поднял тяжелый бокал и как мог значительно произнес:

– За перл нашей славной компании. За вас, Изольда.

И сделал основательный глоток.

– Браво, бесстрашный Тристан! Ваша находчивость вполне дополняет вашу отвагу! – вскричал Трамонтано и тоже хлебнул.

Лея пригубила свой бокал и причмокнула:

– Вы правы, сир, это не нефть. А за тост – премного благодарна. Однако мы несколько отвлеклись. – Она прикрыла глаза и, подражая интонации Трамонтано, произнесла: – «Vale, – глядя в сторону, сказал Паолино и вышел из таверны».

Сигнал был услышан.

Тень внутреннего напряжения набежала на лицо венецианца, заострила черты, преобразила в какого-то другого человека, и этот другой, говоривший глуховатым тенорком, немедленно начал свою магию.

«Куда там Дубль-бемоль!...» – только и успел подумать я.

– Странную историю рассказала прекраснодушному Паолино деревенская болтунья, пока тот выбирал из корзины цветы для своей молодой супруги. Странная и даже страшная, но, к счастью, совершенно неправдоподобная история приключилась якобы на генуэзском рынке. Ранним утром у «левантийской» стенки была опознана некая особа. Народ взял особу в кольцо,

однако схватить ее не удалось. В самый решительный момент она пустила побеги и расцвела терновым кустом, куст вспыхнул и сгорел дотла, а горсть праха, оставшаяся после чудесного превращения, была развеяна порывом ветра.

В городах северной Италии сгоревшая особа пользовалась репутацией самого дурного свойства: слишком многие, по словам цветочницы, были обязаны избавлением от тягот должного существования ее опасному искусству.

Вот только много ли стоит болтовня разбитной деревенской бабенки?..

Паолино положил в порядком опустевшую корзину цветочницы блестящий серебряный динарий и подумал: «Какой яркий румянец у деревенских девушек...»

У палаццо Леркари Пароди наш меланхолический герой сделал короткую остановку: он имел обыкновение любоваться причудливой игрой миниатюрных радуг над чашей фонтана, над чашей, из которой некогда в его глаза смотрела тонконогая «сардинка». Но нет, не ее увидел он в сполохах водяной пыли: безупречный лик хромоножки реял среди сияющих спектров.

И тогда от теневой и мшистой стены отделилась фигура с черным крепом на высокой тулье: «братик Чезаре», но только постаревший на добрый десяток лет, покинул свое укрытие, приблизился к очарованному Паолино и осторожно, словно врач, коснулся его плеча.

– Вот и все, что нам осталось: стоять в карауле над нашей печалью, слушать шум фонтанных струй. Вот и ты здесь... Я почему-то был уверен, что ты здесь, у фонтана.

«О чем он говорит? О какой печали? Зачем этот креп на его шляпе?» – пролетело в голове Паоло, но тревожные вопросы вдруг потеряли всякий смысл и напрочь забылись: из-за занавеса водяной пыли выступила фарфоровая мадонна и помахала цветущей апельсиновой ветвью – ему! ему помахала!

Они стояли рядом, совсем еще молодые люди, чем-то очень похожие, похожие какой-то неуловимой, но значительной малостью, и вглядывались в сплетения тугих фонтанных струй, – один с тайным волнением, другой – задумчиво и горестно.

– ...Это молчаливое оцепенение, – говорил Чезаре, – продолжалось три дня. Три дня кузина провела в кресле, не проронив ни единого слова. Все были уверены, что участь бедняжки решена, – так безнадежен и пуст был ее взгляд.

Затем произошло нечто совершенно неожиданное: кузина спустилась к завтраку, на вид совершенно здоровая, однако с выражением той внутренней сосредоточенности на лице, какое бывает у человека, решившегося на трудное и рискованное предприятие. Тут же, за столом, она сообщила, что чувствует необходимость сменить обстановку, что лютня – это не все в жизни, что у нее есть давнишнее желание повидать наших миланских сестриц, а заодно и побывать в пинакотеке. Тетушка от счастья чуть рассудка не лишилась. И лучше бы она его от счастья лишилась...

Как бы там ни было, кузина, сопровождаемая верной Бьондеттой, уехала в Милан, а в доме только и было разговоров, что о ее чудесном исцелении. Твоего имени старались не упоминать, впрочем, однажды тетка сказала в сердцах:

«Слава мадонне!.. Этот человек не принес бы ей счастья, – теперь я знаю наверное: он болен душою».

– Болен душою? Ах, да, конечно, – усмехнулся Паоло и подумал: «Тут тетушка угадала, – моя душа поражена болезнью, но как она прекрасна – эта болезнь! Она сродни недугу жемчужной раковины».

– Путешествие и вправду пошло кузине на пользу. Из Ломбардии она вернулась посвежевшей и бодрой, полная новых впечатлений и с грузом подарков от миланской родни. Однако решительная складка в уголках ее рта стала еще определеннее и жестче.

Среди прочего из Милана был привезен небольшой сундук, который по приказанию кузины был немедленно поднят вверх, в ее комнату.

Возьмем сундучок на заметку.

По приезде кузина установила для себя строгий распорядок: утренние арпеджио и пассажи были упразднены, – их сменили занятия иного рода, не производившие какого-либо шума. Для этих таинственных занятий кузина запиралась в своей комнате сразу после завтрака и оставляла их лишь к вечеру. Бьондетта, единственная из домашних, осведомленная о новых увлечениях кузины, напускала тумана, важничала, однако крепилась изо всех сил и вовремя прикусывала свой беспокойный язычок.

Приближался день Святой Терезы, и все в доме сбились с ног в стараниях угодить имениннице, окончательное выздоровление которой уже не вызывало сомнений и утраивало радость предстоящего праздника. Но праздник обернулся днем скорби.

Утром проклятого дня кузину нашли в кресле у письменного стола мертвой и уже остывшей. Обстоятельства ее смерти, изученные мной при содействии судебного следователя, позволяют предположить...

– Однако по порядку, – голос Чезаре приобрел некоторую официальную сухость. – В момент смерти стол кузины был завален книгами, страницы которых были испещрены многочисленными пометами. В некоторых угадывается рука покойной. Никто из родных или прислуги до миланского вояжа названных книг в доме не замечал. По всей видимости, они находились в сундучке, поднятом по приезде в комнату кузины. Среди них были труды Диоскорида и Гаргилия Марциала, «Естественная история» Плиния Старшего, «О свойствах трав» Одо из Мена и Симоновский «Ключ исцеления». Книги серьезные и... слишком разнообразные, чтобы сделать какой-либо вывод об интересах кузины. Помимо книг и письменных принадлежностей на столе были обнаружены высушенные листья каких-то неизвестных растений, крупинки белого порошка, шелковый платок и неоконченное письмо, за которым смерть, как можно догадываться, как раз и настигла несчастную.

Бьондетта, первая узнавшая о случившемся, впала в тихое помешательство. Только к вечеру ее состояние улучшилось настолько, что стало возможным учинить ей подробный допрос.

Показания служанки пролили свет на целый ряд важнейших обстоятельств. Как выяснилось, книги, обнаруженные на столе кузины, были приобретены ей у некоего лица, проживающего при базилике Сан-Микеле в Павии. Миланские подарки, впрочем, как и миланские восторги, – сплошная мистификация. Подарки были куплены Бьондеттой в Павии, а также в местечке Тортона, а восторги – выдуманы самой кузиной по дороге домой. Большую часть времени своего пребывания в Павии кузина провела в беседах с человеком, от которого впоследствии был получен сундучок с книгами. Имя этого человека Бьондетте неизвестно, однако по ее догадкам, между ним и настоятелем церкви Санта Мария ди Карильяно, крестницей которой кузина была, существует близкая связь. Именно от генуэзского настоятеля кузина получила рекомендательное письмо, или что-то в этом роде, адресованное павианскому затворнику.

Забегая вперед, сообщу, что беседа с настоятелем полностью исключила возможность каких-либо злонамеренных действий со стороны обитателя базилики Сан-Микеле. Более того, есть все основания полагать, что этот человек принимал в судьбе кузины самое искреннее участие.

Дальнейшие показания служанки со всей очевидностью свидетельствуют о том, что смерть несчастной сестрицы была насильственной и явилась результатом злой и изощренной в подобных делах воли.

Накануне рождества Святой Терезы кузина дала Бьондетте тайное поручение приобрести для нее кошачьей мяты и два динария опия из головок белого мака. Служанка поспешила на рынок, однако сирийцев, которые торгуют этим товаром, у «левантийской» стенки не оказалось. Растерянность и досада девушки были замечены благообразной и дородной пожилой дамой, одетой во все черное и с чернявым же слугой-корсиканцем. Матрона окликнула Бьондетту, поинтересовалась, кто она и что является причиной ее расстройств, и простодушная

дурочка выложила ей все как на духу. Узнав, кем Бьондетта послана, матрона повела себя чрезвычайно благорасположенно, намекнула на короткое знакомство с семейством кузины и обещала помочь, но при этом просила о своем участии в таком деликатном деле никому не говорить.

Бьондетте было приказано ждать, и с тем осанистая матрона и ее молчаливый слуга удалились. Корсиканец появился через четверть часа, но уже один, со словами: «Здесь все, что требуется твоей госпоже», – передал служанке небольшой сверток и смешался с толпой. Скрылся...

– Но я его найду... – официальный и бесстрастный тон сломался, голос Чезаре дал трещину и секундный дребезг: – Я ее найду.

Следует признаться, что мотивы преступления до сих пор остаются для меня весьма... смутными. Образ жизни кузины, открытый и всем хорошо известный, затрудняет любое возможное предположение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.